

УДК 930.23

Рецензия

КАРАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В 1930-е гг. В НОВЕЙШЕЙ АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ¹

Ермолаева Оксана Евгеньевна

Петрозаводский государственный университет, пр. Ленина 33,
185910, Петрозаводск, Россия;

PhD, старший научный сотрудник МНОЦ CARELiCA
Института Североевропейских исследований ПетрГУ,
старший преподаватель кафедры Архивоведения и специальных исторических дисциплин
Исторического факультета ПетрГУ.

<http://carelica.petrstu.ru/CARELiCA/Staff.html>

Уже много десятилетий Сталинский террор является одной из самых востребованных тем в американской историографии Советского Союза. Несмотря на то, что было выпущено много научных работ, основанных на архивном материале, уточняющих и дополняющих картину репрессий в СССР, концептуально исследование этой темы вряд ли продвинулось дальше 1990-х гг. Именно тогда происходили наиболее ожесточенные дебаты между консерваторами, приверженцами «тоталитарной теории», и ревизионистами о масштабах, инициаторах, и движущих силах террора. Как хорошо известно, если первые настаивали на более высоком числе жертв, стремились подчеркнуть главенство вездесущих органов НКВД и беспощадную целенаправленность режима под руководством диктатора — параноика в систематическом и массовом истреблении своих граждан, то вторые обращали внимание на активное участие самих граждан в репрессивных кампаниях, и сопутствующие репрессиям «кадровую революцию» и социальную мобильность. То же можно сказать и о современных американских исследователях Советской карательной политики, которые зачастую несмотря на представление нового материала оказываются во власти прошлых стереотипов и концептуальных схем. Особенно ярко эта тенденция проявила себя в двух недавно вышедших академических изданиях, которые и являются темой данной работы.

В русле «консервативно — тоталитарного» направления написана последняя книга американского историка Нормана Наймарка «Геноциды Сталина»². Квалифицируя политический режим СССР Сталинского периода как «тоталитарный», и по своей преступной сути соответствующий нацистской Германии, автор открыто заявляет о своей принадлежности к соответствующему направлению в западных исследованиях по истории СССР (*N. Naimark. Stalin's Genocides. P. 129*). **Основным тезисом данной работы является утверждение, что политика Сталинских репрессий 1930-х годов должна быть трактована как геноцид, а сам советский режим «убивавший систематически, а не эпизодически» как геноцидальный по своей сути** (*N. Naimark. Stalin's Genocides. P. 3*).

¹ Исследование выполняется в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг.

² *N. Naimark. Stalin's Genocides. Princeton: Princeton University Press, 2010.*

Наймарк раздвигает рамки понятия «геноцид», не ограничивая его расовыми, национальными, этническими, или религиозными понятиями, и определяя его как «систематическое массовое уничтожение, сознательно совершаемое политической элитой государства против целенаправленно выбранной группы внутри или за пределами этого государства» (*N. Naimark. Stalin's Genocides. P. 4*).

В первой главе «Проблема Геноцида» автор рассматривает историю принятия Конвенции ООН о предотвращении и наказании преступления геноцида (декабрь 1948 г.). Наймарк доказывает, что эта конвенция стала жертвой политических манипуляций. В окончательной формулировке в угоду СССР список жертв геноцида был сведен только к этническим и национальным группам. Рассматривая вопрос определения геноцида в международных отношениях во временной динамике, Наймарк указывает, что ценой компромисса стало исключение из числа жертв политических и социальных групп.

Согласно Наймарку, истоки сталинских геноцидов нельзя отделить от личности самого Сталина. Во второй главе, «Становление геноцидария», мы имеем дело с пересказом основных моментов биографии «раннего Сталина». Отвергая аргумент о якобы параноидальном характере Сталина, давно выдвинутом западными историками, Наймарк не предлагает при этом альтернативного объяснения. В результате остается непонятным, что же именно послужило толчком для превращения скромного, трудолюбивого, и преданного революционному делу большевика в диктатора.

В третьей главе, «Раскулачивание», Наймарк описывает репрессии во время коллективизации, жертвой которых стали около 10 млн. так называемых «кулаков». Они были вымышленной категорией — или воображаемым социальным врагом — в которую мог быть легко зачислен каждый крестьянин, который не хотел идти в колхоз. Политика принудительной коллективизации и раскулачивания рядом авторов уже рассматривалась как «государственная политика геноцида в отношении наиболее дееспособных крестьян среди так называемых кулаков»³.

Автор не отрицает, что многим, если не большинству кулаков и их семьям, удалось выжить. Тем не менее, используя Советскую терминологию «ликвидации кулаков как класса» как доказательство геноцидальных намерений власти, во-первых, утверждает он, проведение этой акции было поручено карательным органам, и Сталин сам наблюдал за проведением операции — особенно за тем, чтобы ни один случай сопротивления не остался безнаказанным, и чтобы кулачество было ликвидировано полностью. Во-вторых, жертвами репрессий были не только сами кулаки, но и члены их семей (*N. Naimark. Stalin's Genocides. P. 58—59*).

Не исключено, что бурный интерес данная работа вызвала в связи с утверждением ее автора, что голод 1931—1933 гг. в Советской России, вызванный политикой массовых реквизиций зерна у крестьян, был не только геноцидом по своей сути, но и специфически «украинским» по своей направленности (*N. Naimark. Stalin's Genocides. P. 70*). В своем предисловии к украинскому изданию (книга увидела свет в 2010 году в серии «Права человека и преступления против человечества» в издательстве Принстонского университета) Норман Наймарк указал: «...история кровавой политики советского режима в 1930-х годах тесно связана с Украиной, с ее уникальным местом в российской и советской империях и ключевым геостратегическим положением между Москвой и центральной частью России, с одной стороны, и Польшей — с другой... Во-вторых, ключевая роль Сталина в политике геноцида 1930-х годов и его антагонистическое — можно сказать, украинофобское — отношение к по-

³ Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х гг.). Учебное пособие для вузов и школ. М., 1996. С. 203.

литике, истории и культуре Украинской Советской Социалистической Республики и ее народа, а особенно к украинским крестьянам, — это неотделимая часть истории геноцида в Советском Союзе»⁴.

Это заявление спровоцировало бурную реакцию не только в Интернет сообществах, но и в академической среде, поскольку в нем автор затронул одну из самых наболевших проблем русско — украинских отношений.⁵ «Голодомору» 1931—1933 гг. посвящена 4 глава. По мнению Наймарка, украинский голод был частью более широкой программы по подавлению сопротивления среди национальных групп (*N. Naimark. Stalin's Genocides. P. 81*). Тем не менее утверждение, что Сталин хотел «уничтожить украинцев» как представителей враждебной национальности и превратить их в Советскую нацию (*N. Naimark. Stalin's Genocides. P. 78*), сомнительно. Автор занял позицию некоторых украинских политиков, полностью проигнорировав не только полемику о числе жертв голода 1932—1933 в СССР, но и тот факт, что голод наряду с насильственной коллективизацией и раскулачиванием был не только украинской, но общенациональной трагедией истребления советского крестьянства. Согласно заключению комиссии при ГД РФ на территории Поволжья, Центрально-Черноземной области, Северного Кавказа, Урала, Крыма, части Западной Сибири, Казахстана, Украины и Белоруссии от голода и болезней, связанных с недоеданием в 1932—1933 годах погибло около 7 млн человек. Голод, хоть и имел специфику в Украине, но как геноцид отдельного украинского народа квалифицирован быть не может.

В следующей, 5 главе Наймарк описывает начало «национальных операций», а поворотным пунктом в их масштабном развертывании стал Большой Террор 1937—1938 годов, являющийся темой 6 главы. Именно в 1937 г состоялась первая операция по тотальному выселению целой этнической группы — корейцев с Дальнего Востока в Казахстан и Узбекистан — за которым последовали и другие аналогичные акции. Вслед за Александром Некричем Наймарк причисляет к нациям, которые не вызывали доверия Сталина (*mistrusted nations*) и украинский народ (*N. Naimark. Stalin's Genocides. P. 93*).

Наймарк считает, что сам масштаб репрессий в ходе Большого Террора говорит в пользу определения его как геноцида. Он утверждает, что террор начал жить своей собственной жизнью и развиваться по своим собственным законам, часто по инициативе региональных отделов НКВД, которые соревновались между собой в выполнении и перевыполнении высланных сверху квот. В этом смысле логика сталинской репрессивной системы очень напоминала активность нацистских бюрократов, которые увеличивали масштабы истребления евреев даже в отсутствие прямых указаний Гитлера. Сопоставляя Сталинский СССР и Третий Рейх в последней, 7 главе, таким образом Наймарк утверждает, что они не могли попросту существовать без систематического уничтожения своих собственных (и чужих) граждан. Террор и насилие были для них главным средством достижения утопии, которая определяла самую суть сталинского и нацистского режимов (*N. Naimark. Stalin's Genocides. P. 129*).

Обращает на себя внимание вольное обращение автора со статистическими данными и общеизвестными историческими фактами. Как правило, Наймарк опирается на наиболее консервативные источники: Д. Волкогонов (*N. Naimark. Stalin's Genocides. P. 30*), Р. Конквест (*N. Naimark. Stalin's Genocides. P. 70*), Р. Медведев, Р. Такер (*N. Naimark. Stalin's Genocides. P. 106*). В случаях, когда он приводит опубликованные статистические данные архивов по

⁴ Наймарк Н. Геноциди Сталіна. Київ, 2011.

⁵ Уведомление о выходе книги прошло бегущей строкой на 5 канале Украинского телевидения. Литвин А. Л., Сальникова А. А. Два взгляда на одну проблему: Сталинский Террор в новейших зарубежных изысканиях. //Ученые записки Казанского университета. 2011. Т. 153. Кн. 3. С. 273.

количеству жертв террора, он выражает неудовольствие тем, что, будучи значительно меньше желаемых, они обманули его ожидание, но при этом утешается, что их ни в коем случае нельзя принимать всерьез, так как они существенно занижены и не отражают реальной ситуации (*N. Naimark. Stalin's Genocides. P. 11—12; 109*).

Автор утверждает, что в своем руководстве внутренней политикой диктатор постоянно использовал страх войны и угрозу вторжения, частично из —за своей ксенофобии, частично из-за маниакальной подозрительности (*N. Naimark. Stalin's Genocides. P. 54*).

Заявляя, что Большой Террор представлял собой глобальное изменение в направлении карательной политики от социальных к национальным группам, Наймарк совершает ошибку, так как в ходе этой кампании социальные группы по-прежнему представляли собой первостепенную мишень государственного террора. Эта проблема перекликается с проблемой общей оценки личности Сталина и его мотивации. Если в начале и в конце своего эссе (*N. Naimark. Stalin's Genocides. P. 151*) Наймарк заявляет, что явных признаков психических отклонений у Сталина не наблюдалось, то непосредственно текст книги пестрит выражениями «паранойя Сталина», «маниакальный диктатор», «сумасшествие Сталина» (*N. Naimark. Stalin's Genocides. Pp. 106, 118*). В итоге, вопрос психопатологии Сталина остается не проясненным.

Вслед за Н. Вертом Наймарк приводит в пример Назинскую трагедию как пример геноцида (*N. Naimark. Stalin's Genocides. P. 62*). Однако в действительности эта трагедия, повлекшая массовую гибель в 1933 г. направленного на поселение в трудпоселки Александрово-Ваховской комендатуры (Сиблаг) «контингента», имела несколько иное значение, нежели то, что ей приписывают западные исследователи. Основную массу направленного туда контингента составляли представители уголовного мира. Интерпретировать эту трагедию следует не как часть «политики геноцида», а как крах политики властей на максимальное использование труда спецпереселенцев при минимальном обеспечении их ресурсами жизнедеятельности и средствами производства. Протоколы расследования показали, что условия, в которых оказались спецпоселенцы, мало отличались от тех, в которые попадали депортированные до этого группы крестьян. Но последние с момента своего прибытия на спецпоселение начинали строиться, создавать убогий быт, следуя нехитрому правилу «труд спасал, труд помогал выжить,» в то время как уголовники становились на путь бандитизма, грабежей и расхищения и без того скудного имущества, что в условиях сурового климата, нищих ресурсов и полной изоляции спецпоселка привело к драматическому финалу.⁶

Язык автора довольно специфичен. Рассуждая о вариациях «Сталинского геноцида», он обильно использует условное наклонение, перемежая свои рассуждения эпитетами «could», «would», «some» (*N. Naimark. Stalin's Genocides. P. 55, 72, 74, 77*). Зачастую это оставляет читателя в недоумении, на основании каких логических умозаключений то или иное преступление режима, которое в начале главы может быть, а может и не быть квалифицировано как геноцид, в ее конце все-таки сводится к геноциду (*N. Naimark. Stalin's Genocides. P. 100, 120, 136*). В случаях тех аспектов карательной политики Советского режима, которые ассоциировать с геноцидом проблематично, автор вслед за другими западными исследователями пытается квалифицировать хотя бы как «культурный геноцид» (*N. Naimark. Stalin's Genocides. P. 96*), «советский вариант 'окончательного решения'», или «политический холокост» (P. 109).

В результате мы имеем дело с очередным манифестом, наполненным политически окрашенной терминологией, и подкрепленным авторитетом влиятельных историков — русистов, которых Наймарк благодарит в начале своего эссе. Попытки понять, что же нового текст прив-

⁶ Красильников. Серп и Молох, 104—107.

носит в наше понимание Советской истории, оставляют впечатление, что автору удалось лишь отразить основные аспекты репрессивных кампаний Советского режима так, как они освещены в западной литературе.

Неудивительно, что данная книга стала инструментом в политической борьбе. Соглашаясь со многими западными исследователями, что при всей одиозности политического режима в современной России господствует откровенно манипулятивное отношение к истории страны со стороны правящей элиты, невозможно не признать, что и данная работа (как впрочем, и все остальные работы, написанные в русле «тоталитарной теории») в первую очередь преследует политическую цель дискредитации государства, истории которого она посвящена.

Альтернативой видению карательной политики СССР Наймарком является недавно изданная работа В. Голдман «Изобретая врага: Донос и террор в Сталинской России»⁷. Посвященная социальной истории «Большого Террора», она претендует не только на оригинальность, связанную с использованием «уникального и прежде незадействованного блока источников», но и на введение принципиально новой парадигмы исследования⁸.

Во введении автор утверждает, что, хотя масса работ, посвященных социальным, административным, и экономическим аспектам истории Террора, опровергли сторонников «тоталитарной теории», продемонстрировав, что вместо господства монолитной идеологии и репрессивной вакханалии была динамика властных игр, отмеченная бюрократическими интригами, альтернативными взглядами, и активным общественным участием, «эти работы, сконцентрировавшиеся на ряде аспектов режима, начиная с постановлений Политбюро, социальных и управленческих проблем, и заканчивая личностными факторами, тем не менее нуждаются в синтезе в рамках новой парадигмы» (*W. Goldman. Inventing the Enemy. P. 8*).

Основной идеей монографии автор сделала попытку изучения Террора с точки зрения «простых граждан» — рабочих, инженеров, служащих, руководителей производства — всех тех, кто был не только носителями, но и жертвами политической культуры насилия, господствовавшей в СССР в 1936—1939 гг. Она попыталась воссоздать процесс трансформации советской политической культуры во время репрессий 1930-х гг., проследить судьбы отдельных рабочих и служащих на этих предприятиях, и изучить влияние культуры террора на поведение рядовых граждан. В то время предприятия, учреждения и институты, оказались охваченными растущим потоком так называемых разоблачений и арестов. На проходивших на предприятиях массовых собраниях, на страницах заводских многотиражек, в партийной печати, и по радио запуганным гражданам внушалась идея о том, что вся страна наводнена угрожающими ее безопасности шпионами, диверсантами и террористами. «Охота на врагов народа», ставшая неотъемлемой частью жизни населения, делала почти всех потенциальными жертвами.

В основе монографии лежат источники Архива Политической и Социальной Истории г. Москвы, состоящие из стенографических отчетов партийных собраний, проходивших в 1936—1939 гг. на столичных предприятиях «Динамо» им. С. М. Кирова, «Серп и Молот», «Красный Пролетарий», «Ликеро-Водочный Завод» и «Трехгорная мануфактура», которые автор сопоставила с материалами заводских многотиражек, печатавшихся на этих же предприятиях. После обсуждения историографии и ключевых моментов политической истории

⁷ Wendy Z. Goldman. *Inventing the Enemy: Denunciation and Terror in Stalin's Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 320 pp.

⁸ Cover interview with W. Goldman of October, 2011. Internet: http://rorotoko.com/interview/20111019_wendy_goldman_on_inventing_enemy_denunciation_terror_stalin_russia. Accessed 22.08. 2013.

Большого Террора в первой главе, в следующей главе «Товарищи и Коллеги», Голдман на основе архивных материалов с завода «Динамо» изучает политические перипетии в местной партийной организации во время массовых репрессий. Она исследует примеры групповой динамики и стратегий индивидуальной самозащиты людей перед угрозой исключения из партии и ареста. Практики написания взаимных доносов и заявлений, обвинения на партсобраниях, попытки выгородить родственников и сослуживцев, спустить обвинения на тормозах демонстрируют, как в мгновение ока жертвы превращались в палачей и наоборот. В третьей главе «Семейные тайны», автор на основе документов «Трехгорной Мануфактуры» исследует, как родственники исключенных из партии и арестованных «врагов народа» становились мишенями Террора, какие стратегии выживания они пытались использовать, чтобы защититься от обвинений. Глава 4, «Любовь, Верность и Предательство» изучает поведение нескольких коллег, связанных между собой родственными, служебными и личными связями в разгар проведения репрессивных операций в стране. В заключительной главе «Последний пароксизм» Голдман раскрывает, как на предприятиях Террор вышел из под контроля и приобрел обратную силу (некоторые жертвы были реабилитированы, в то время как значительное число его пособников подверглись остракизму, будучи обвиненными в «клевете») (*W. Goldman. Inventing the Enemy. P. 290, 297*).

Рассматривает она и разрушительные последствия террора на отдельных предприятиях: атмосфера всеобщей истерии, страха и доносительства, дезорганизация производства, коллапс партийной дисциплины (*W. Goldman. Inventing the Enemy. P. 130—135*). Террор практически разрушил парторганизации, они полностью утратили свою функциональность и контроль над ситуацией (*W. Goldman. Inventing the Enemy. P. 260, 269*). В заключении, озаглавленном «История без героев», очевидно названном в честь одноименной поэмы Анны Ахматовой, Голдман подводит итоги и делает свои основные выводы. Никто не мог избежать погружения в культуру Террора, грань между жертвами и палачами была неразличима, и рядовые граждане активно способствовали созданию этой культуры, приведшей предприятия страны на грань краха.

Автор верно и грамотно, без упрощений, обосновывает причины террора, дистанцируя себя от представителей тоталитарной школы, веяния которой, как было показано выше, и поныне сильны в современной западной академической среде. Раскрывая весь ужас Террора и обосновывая его бесчеловечность и недопустимость с моральной точки зрения, автор, тем не менее, признает, что «опасения и страхи, лежавшие в основе Террора, не были исключительно игрой больного воображения Сталина» (*W. Goldman. Inventing the Enemy. P. 35*), Советский Союз действительно жил в «осадном положении», шпионаж со стороны иностранных государств представлял угрозу безопасности страны. И Террор в первую очередь был направлен на устранение этой угрозы (*W. Goldman. Inventing the Enemy. P. 36*). Она была уничтожена⁹, но тем важнее для историка понимать, как вполне, казалось бы, целесообразная с точки зрения госбезопасности страны операция превратилась в «Большой Террор» против собственного населения (И здесь нельзя не согласиться с уместностью самого термина, так удачно данного Р. Конквестом «большим чисткам» конца 1930-х гг.¹⁰). Подводя итоги по количеству репрессированных в ходе Террора по различным приказам, В. Голдман обращает внимание на большой удельный вес «кулаков» в общем числе репрессированных,

⁹ Довольно любопытно, что в Карельской АССР в ходе операции Большого Террора была полностью уничтожена финская агентура, состоявшая из более чем 100 агентов. О. Ermolaeva. The Social History of the Soviet GULAG in the 1930-s. The White-Sea Baltic Combine of the NKVD. Petrozavodsk, 2013.

¹⁰ R. Conquest. The Great Terror. London, 1968.

в том числе фабричных рабочих из числа бывших кулаков (*W. Goldman. Inventing the Enemy. P. 14*). Эти выводы подтверждаются и другими исследованиями этой группы населения¹¹.

Путем раскрытия личных драм и хитросплетений человеческих взаимоотношений, В. Голдман блестяще воссоздает саму атмосферу Террора. Автор раскрывает, как встречали сопротивление первоначальные попытки раскрутить репрессии на предприятиях, практики доноительства, как это сопротивление было сломлено жестким давлением «сверху» (*W. Goldman. Inventing the Enemy. P. 55—56*), как производственные аварии и просчеты стали объявляться происками врагов народа и вредительством (*W. Goldman. Inventing the Enemy. P. 86*). Нагнетанию атмосферы истерии и всеобщего доноительства [подозрительности?] активно способствовали заводские многотиражки и стенгазеты. Многотиражка «Динамо» «Кировец» сыграла роковую роль в судьбах многих арестованных и расстрелянных работников предприятия, заставляя жертв нападок и обвинений в свою очередь отвечать своим обвинителям, поставляя жертв на партсобрания почти непрерывным потоком (*W. Goldman. Inventing the Enemy. P. 104—118*).

Цитируемые в работе протоколы партсобраний демонстрируют отсутствие каких-либо закономерностей и полную и безраздельную власть толпы. (*W. Goldman. Inventing the Enemy. P. 115, 166, 196*). «Любой мог высказаться, тема дискуссии перемещалась с одного предмета на другой, сфокусированная разумная дискуссия среди 500 людей была невозможна, глава парт. комитета едва ли мог оказать хоть какое-то влияние на исход этих встреч» (*W. Goldman. Inventing the Enemy. P. 229*). В своей массе, рядовые представители партии настаивали на куда более радикальных мерах, нежели партийные лидеры (*W. Goldman. Inventing the Enemy. P. 247*). Чем более многочисленно собрание, тем более велика была вероятность более жестких постановлений. И наоборот, на немногочисленных сборищах у жертв было намного больше шансов избежать остракизма и исключения из партии.

Парторганизации выполняли роль промежуточного звена между НКВД и его жертвами, когда аресту предшествовало исключение из партии. В случаях, когда им это не удавалось, (примерно 40% арестованных на Динамо за год), клеймо «недостатка бдительности» ложилось на парторганизацию (*W. Goldman. Inventing the Enemy. P. 254*). Сколько всего исключенных из партии было арестовано, сколько реабилитировано и восстановлено?

Важный вопрос, который автор лишь вскользь затрагивает, какие факторы влияли на репрессии среди руководства предприятий? На «Динамо», например, в течение семи месяцев сменились и были репрессированы трое руководителей, в то же время две ключевые фигуры уцелели и не были арестованы — руководитель партийной организации предприятия и один из его директоров. (*W. Goldman. Inventing the Enemy. P. 105*).

Нужно признать, работе не хватает аналитического подхода, систематизации материала, элементарной статистики по количеству исключенных из партии, уволенных, арестованных на предприятиях на фоне общего числа работников, не говоря уже о системном исследовании социальных портретов жертв. Экономический и социальный контекст, общие и статистические данные по предприятию В. Голдман предоставляет только в случае завода «Динамо». Если о заводе «Серп и Молот» мы еще имеем данные хотя бы по общему числу работников, то об остальных предприятиях не узнаем ничего кроме названия. Важные вопросы, напрямую связанные с Террором на предприятиях, не затронуты вообще, либо упоминаются вскользь. Например, стахановское движение и его роль в репрессивных кампаниях. Очевидно, что подобные упущения связаны со спецификой и узостью источниковой

¹¹

Виола А. Крестьянский ГУЛАГ: Мир сталинских спецпоселений. М.: РОССПЭН, 2008. С. 301.

базы, которые автор сама признает, подмечая, что «очень частичный и неполный список источников представляет собой лишь надводную часть айсберга» (*W. Goldman. Inventing the Enemy. P. 136*). Заявления и доносы, написанные сотрудниками изучаемых предприятий, вкупе с личными делами исключенных из партии и арестованных, могли бы стать недостающим звеном в исследовании проблем террора.

Автор опровергает мнение, распространенное в американской историографии (наиболее ярко выраженное в работах Р. Тхурстона¹²), что террор на предприятиях коснулся только узкого круга инженерной «элиты», руководящих и партийных работников. Она утверждает, что не только организаторы и руководители производства, вкупе с партийным аппаратом на местах, но и рядовые рабочие от станка и их семьи стали жертвами этой политики, испытали всю тяжесть террора. Свое мнение она подкрепляет утверждением, что большинство членов партии и партийных руководителей низшего звена в Москве были из рабочих и крестьян. Многие из них, получив без отрыва от производства среднее специальное и высшее образование, были выдвинуты на руководящие должности (*W. Goldman. Inventing the Enemy. P. 11—12*).

Тем не менее, несмотря на ее упорные утверждения, что в центре внимания находятся «простые люди: рабочие, инженеры, технические специалисты», уже по специфике источников можно понять, что это не совсем так. В протоколах партсобраний фигурируют их участники — члены партийных организаций предприятий, руководящие работники, ведущие инженерные кадры, и просто партактивисты. Да, хотя многие из участников могли похвастаться пролетарской биографией, вовсе необязательно автоматически причислять их к «рабочему классу». (*W. Goldman. Inventing the Enemy. P. 11—12*). К концу 1930-х гг. в СССР уже сложилась прослойка управленцев, партийных и руководящих работников, пользовавшаяся многочисленными привилегиями и уже вполне сознательно отдалившаяся от своих пролетарских корней. (Согласно одной из многочисленных версий Террора, именно эта отдаленность, уже трансформировавшаяся в кастовость, и послужила дополнительным катализатором репрессий в руководящих кругах).

В случае завода «Динамо» В. Голдман приводит лишь неполные поименные данные по репрессированным руководителям и техническим специалистам. На партсобраниях присутствовало и участвовало в голосовании не многим больше 500 человек, выступали единицы, партком состоял из 15 членов. В то же время, на предприятии трудилось более 10 000 человек, три четверти из них были рабочими, оставшиеся [остальные ?] — инженерами и руководством [руководителями ?] (*W. Goldman. Inventing the Enemy. P. 88*). В то время парторганизация завода насчитывала порядка 1030 членов и кандидатов в 1936 г., и 761 в 1938. При этом минимум 94 % членов партии были из семей рабочих (12% женщин) (*W. Goldman. Inventing the Enemy. P. 90*).

Примерно то же самое можно сказать про «Серп и Молот»: из более чем 10 000 работников в 1937 только около 700 были членами партии (*W. Goldman. Inventing the Enemy. P. 201*). Женщины, составлявшие лишь небольшую часть парт. аппарата предприятий, тем не менее занимали очень активную позицию в ходе разоблачений и разбирательств на парт. собраниях, и с удовольствием «обличали своих коллег» (*W. Goldman. Inventing the Enemy. P. 157*). Было бы интересно выяснить, какой процент [количество в процентном отношении ?] руководящих работников и простых рабочих был арестован с пояснениями по социальному срезу.

¹²

R. Thurston. Life and Terror in Stalin's Russia 1934—1941. New Haven, 1996.

Насколько правомерно распространять опыт небольшой партийной прослойки завода во время Террора на всех его рабочих, делать глобальные выводы относительно особенностей их поведения? И наоборот, сколько [какие ?] неисследованных аспектов осталось за рамками работы, касающихся именно простых заводских рабочих, тех, которые не состояли в партии, но посещали политические кружки? Судя по тому, что к 1938 г. текучка кадров на заводе Динамо составляла почти 100%, (*W. Goldman. Inventing the Enemy. P. 255*) мало кто остался равнодушным к происходящему.

Недоработанность заметна и в отношении изучения роли заводской многотиражки. Кто были редакторы, кто журналисты, насколько близко они были знакомы с жертвами и обвинителями, сводили ли они личные счеты? Как генерировалась «охота на ведьм» в прессе, кто за ней стоял, как производился отбор жертв, когда на человека шла планомерная, целенаправленная атака со всех сторон? (*W. Goldman. Inventing the Enemy. P. 203, 204*). В. Голдман упоминает интереснейший факт, когда редактор многотиражки завода «Динамо», обладавший огромной властью вследствие своей способности выбирать, что именно из огромного потока доносов и разоблачений будет напечатано, а что нет, таким образом, определяя круг жертв и координируя процесс террора в масштабе предприятия, сам пал жертвой доноса (*W. Goldman. Inventing the Enemy. P. 126*). К сожалению, подоплека подкованных игр осталась неизвестна, как и судьба редактора и «кухня» многотиражки. Лоббировал ли «Кировец» чьи-то интересы? Ведь именно газетные публикации «решали судьбу управленцев и партработников» (*W. Goldman. Inventing the Enemy. P. 138*).

Бросаются в глаза и отсутствие библиографии, нечеткая организация книги, а также некоторый перекося в сторону описания внутренних интриг и сведения взаимных счетов посредством цитирования многотиражек и протоколов партсобраний в ущерб аналитическому подходу и информации о дальнейших судьбах жертв и палачей. В главе 3 отклонение в сторону истории «Советской семьи» и о влиянии на нее большевистской идеологии довольно любопытно неискушенному читателю, но несколько неуместно в работе профессионала на вполне определенную тему. В книге имеется ряд опечаток, относящихся в основном к названиям статей в многотиражках (*W. Goldman. Inventing the Enemy. P. 200, 204, 205, 295*).

В конечном итоге создается впечатление, что автор вступила на тропу старых дебатов «тоталитаристов» с «ревизионистами». При этом, заняв позицию последних, она скопировала основные принципы их подходов (*W. Goldman. Inventing the Enemy. P. 10*) и повторила их основные выводы относительно Большого Террора, но почему-то в качестве первооткрывателя¹³. Ее основные выводы о социальной всеохватности Террора, активном участии в нем населения, и расплывчатости категорий жертва — доноситель из-за обширной сети семейных, рабочих и дружественных связей (*W. Goldman. Inventing the Enemy. P. 314*), давно уже были сделаны как отечественными, так и западными историками — ревизионистами в ходе дискуссий о терроре как о способе мобилизации и поддержке режима советской власти.

Тем не менее, микроистория Террора в интерпретации В. Голдман подводит читателя к интересным открытиям и важным выводам, дополняющим, уточняющим, и усложняющим общую картину репрессивных кампаний 1937—1939 гг. Воссоздавая хронологию, динамику,

¹³ Уже в 1979 г. Американский историк А. Гетти пришел к выводу, что не Политбюро ЦК ВКР (б), а скорее региональные власти играли важнейшую роль в терроре 1937 г. *Хаустов В., Самуэльсон Л.* Сталин, НКВД и репрессии 1936—1938 гг. Москва, 2009. *Getty. (ed.). Stalinist Terror: New Perspectives. New York, 1993. O. Khlevniuk. The Objectives of the Great Terror, 1937—1938 // J. Cooper. (Ed.). Soviet History, 1917—53. Essays in Honour of R. Davies. New York, 1995; R. Thurston. Life and Terror in Stalin's Russia 1934—1941. New Haven, 1996. Sh. Fitzpatrick. Stalinism: New Directions. London, 1999. Sh. Fitzpatrick. Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. Oxford, 2011.*

механизм, социальные портреты части жертв и особенности их поведения на отдельных предприятиях, эта работа представляет собой интерес не только для специалистов, но и для широкого круга читателей. То же самое относится и к книге Н. Наймарка, представляющей собой одну из довольно одиозных, но тем не менее весьма распространенных современных тенденций в изучении важнейшего аспекта советской политической истории.

Список литературы:

1. *Conquest, R.* The Great Terror. London, 1968.
2. *Denisov, S.* Massovye repressii v SSSR v kontse 1920-kh — nachale 1940-kh godov: aktualnye problemy sovremennoi otechestvennoy istoriografii. Samara, 1999.
3. *Ermolaeva, O.* The Social History of the Soviet GULAG in the 1930-s. The White-Sea Baltic Combine of the NKVD. Petrozavodsk, 2013.
4. *Fitzpatrick, Sh.* Stalinism: New Directions. London, 1999.
5. *Fitzpatrick, Sh.* Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. Oxford, 2011.
6. *Getty, A.* (ed.). Stalinist Terror: New Perspectives. New York, 1993.
7. *Goldman, W.* Inventing the Enemy: Denunciation and Terror in Stalin's Russia. Cambridge, 2011.
8. *Ivnitskiy, N. A.* Kollektivizatsia i raskulachivaniie (nachalo 30- kh godov). Moskva, 1996.
9. *Khlevniuk, O.* The Objectives of the Great Terror, 1937—1938 // J. Cooper. (Ed.). Soviet History, 1917—53. Essays in Honour of R. Davies. New York, 1995.
10. *Khlevniuk, O.* The History of the Gulag: from Collectivization to the Great Terror. New Haven, 2004.
11. *Khaustov, V., Samuelson, L.* Stalin, NKVD i repressii 1936—1938. Moskva, 2009.
12. *Krasil'nikov, S. A.* Serp i molokh. Krest'ianskaia ssylka v Zapadnoi Sibiri v 1930-e gg. Moscow, 2003.
13. *Litvin, A., Salnikova A.* Dva vzglyada na odnu problemu: Stalinskiy Terror noveishikh zarubezhnykh izyskaniyakh // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. 2011. Vol. 153.
14. *Naimark, N.* Stalin's Genocides. Princeton: Princeton University Press, 2010.
15. *Thurston, R.* Life and Terror in Stalin's Russia 1934—1941. New Haven, 1996.
16. *Viola L.* Krestyanskiy GULAG: Mir Stalinskikh spetsposeleniy. Moskva, 2010.